

С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. — Л., изд-во «Наука», 1972. 216 стр.

До сих пор в литературе по типологии языка разрабатывались главным образом вопросы формальной типологии. Рецензируемая книга С. Д. Кацнельсона представляет собой фактически первое специальное исследование по контентивной типологии, ориентированной на содержание языковых форм. Впервые сделана попытка наметить пути решения ряда важнейших проблем, стоящих перед лингвистом в этой трудной области.

Типологию автор понимает как «учение о единообразии и многообразии, тождестве и несовпадении, инвариантности и вариативности языковых структур» (стр. 11). «В содержании каждого языка, — продолжает он, — необходимо различаются два компонента — универсальный и идиоэтнический» (там же): первый является общим для всех языков, а второй характеризует каждый язык в его индивидуальном своеобразии. «Содержание языковых форм представляет собой амальгаму универсальных и идиоэтнических функций» (стр. 14). Пафос книги и заключается в обнаружении путей и обосновании методов «отслоения» универсального, общечеловеческого компонента от всего того, что в содержательной стороне языка оказывается неуниверсальным, специфическим, присущим лишь данному языковому типу.

Материальную базу книги составляют прежде всего русский язык и другие языки с «синтетической», т. е. флективной — или также агглютинативной — морфологией, языки, для которых в качестве их главной приметы характерна «насыщенность... продуктивными морфологическими категориями» (стр. 17) типа падежа или числа. Эти языки противопоставлены в книге «аналитическим» вроде китайского или английского (к счастью, автор не пользуется крайне неудачным, но все еще не изжитым термином «аморфный строй»). Сразу же подчеркивается, что различие между синтетическими и аналитическими языками не абсолютно. Во всяком случае, автор не связывает себя традиционными представлениями о границе между «синтезом» и «анализом», справедливо указывая, что «не только словоформы, но и служебные слова могут при некоторых условиях выступать как носители морфологической категории» (стр. 17). В частности, это замечание относится к предлогам и послелогам, осложняющим падежную систему (стр. 40), и к артиклям, который во многих языках является, как известно, служебным словом, но, тем не менее, в любом случае образует, по мнению автора, типичную морфологическую категорию (стр. 35 и сл.).

С другой стороны, в корейском и в японском языках, традиционно относимых к агглютинативным, т. е. к синтетическим, категория числа, выражаемая словофор-

мами, рассматривается в книге как «аналитическая» (стр. 33—34). Дело в том, что для принятого автором понимания морфологической категории «существен не способ выражения как таковой, а соотношение функционального содержания категории с ее внешним выражением... Специфические морфологические категории отличаются от „аналитических“ полифункциональностью и обобщенностью [т. е. принудительностью. — Ю. М.] своего употребления в пределах той или иной части речи» (стр. 35). Именно насыщенность языка такого рода морфологическими категориями и определяет «меру синтетичности» этого языка (стр. 17). Артикль, в том числе и в аналитических языках, например, английский или французском, полифункционален и принудителен. Указание же на грамматическое число в корейском и японском (как и в китайском) осуществляется с помощью монофункциональных показателей и далеко не при всяком употреблении существительного, а лишь в тех случаях, когда такое указание действительно необходимо по смыслу высказывания.

Задачи анализа содержательной стороны языка выдвигают на первое место проблему соотношения языка (или речи) и «речевого мышления», языка и сознания, а в числе собственно лингвистических проблем — вопрос о взаимоотношениях между содержанием и формой внутри языкового знака.

Речь рассматривается С. Д. Кацнельсоном как «процесс (или результат процесса) выражения мысли средствами языка» (стр. 96). Но формы языка «сопутствуют мысли уже на начальной фазе ее зарождения... Деятельность сознания необходимо сопровождается деятельностью языка, выливаясь в единый, хотя и сложный по своей внутренней структуре, речемыслительный процесс» (стр. 110). Термин «речевое мышление», проходящий красной нитью через книгу, подчеркивает, что внимание автора направлено на специфические мыслительные категории, не выделенные специализированными науками о мышлении — логикой и психологией — категории, «которые лингвист вынужден добывать самостоятельно путем кропотливого и многоступенчатого анализа одному лишь ему „подведомственного“ материала» (стр. 4).

Что касается проблемы соотношения формы и содержания в языковом знаке и в языке в целом, то автор, как и в предшествующих своих работах¹, выступает принципиальным противником концепций изоморфизма (т. е. взаимно-однозначного

¹ См. в особенности: С. Д. Кацнельсон, Содержание слова, значение и обозначение, М.—Л., 1965.

соответствия) между единицами плана выражения и плана содержания, и, следовательно, противником идеи «общих значений». Во второй главе книги (небольшая первая глава носит характер вводной) он подвергает анализу одну за другой категории грамматического рода или класса, числа, артикля, и — особенно подробно — падежа, убедительно показывая, что любая из этих категорий «является конгломератом гетерогенных функций, молекулярным соединением атомарных функций, относящихся к различным областям языкового строя» (стр. 31).

Так, у форм числа основной содержательной функцией является функция квантитативной актуализации виртуального понятия о предмете. Но семантическим полем этой функции оказываются только нарицательные имена, допускающие возможность счета. Поскольку в синтетических языках формы числа представлены и у всех других имен, эти формы несут уже другие содержательные функции — обозначение разновидностей вещества (*вина, масла*), обилия вещества (*пески*), выделение родовых понятий и т. д. Некоторые из указанных функций даже прямо противоречат основной. Кроме того, на все содержательные функции наслаивается еще одна, уже чисто формальная, — функция согласования в числе, совершенно независимая от содержательных функций и охватывающая все без исключения формы числа, имеющиеся в данном языке. Сходную картину обнаруживаем и в других морфологических категориях, проанализированных в книге.

Сторонники «общих значений» не могут, по мнению автора, удовлетворительно объяснить эту реально наблюдаемую полисемию (точнее — полифункциональность), так же как и синонимию (изофункциональность) языковых форм. Так называемые «частные значения» во многих случаях, действительно, не могут быть интерпретированы лишь как «контекстуальные варианты общих значений»; они «не возникают окказионально в речи под воздействием контекста, а являются фактом «языка», его внутренней структуры. Контекст в таких случаях — не генератор значений, а их внешний „проявитель“» (стр. 42). Развивая и углубляя идеи Карцевского об «асимметричном дуализме» языкового знака и идеи Куриловича о «первичных» и «вторичных» функциях в языке, С. Д. Кацнельсон выявляет «многослойность» анализируемых грамматических структур, появление в них ряда промежуточных планов. Он пишет: «Асимметрия между планами содержания и выражения в языке часто усложняется настолько, что дуализм языковых планов нарушается, уступая место многослойной структуре» (стр. 15). В морфологических категориях «значение» во многих случаях «деградирует... до уровня компонента синтаксической формы» (стр. 18). Тем

самым морфологические категории синтетического типа уже не могут рассматриваться как «двусторонние языковые единицы, легко распадающиеся на „означающее“ и „означаемое“» (стр. 74). «Что, в самом деле, — пишет ниже С. Д. Кацнельсон, — непосредственно выражают формы какого-либо падежа? Ничего, кроме указания на место этих форм в парадигме и способность их получить в предложении одну из многих — формальных или семантических — функций, закрепленных за этим падежом в системе данного языка» (стр. 91).

Учет, наряду с многообразными содержательными, также различных полуформальных и чисто формальных функций грамматических форм побуждает автора сдержанно отнестись к широко распространенному термину «грамматическое значение». Ведь значение языкового знака есть «отражение реальных внеязыковых данностей» (стр. 19). Поэтом термин «грамматическое значение» оправдан «только в применении к семантико-грамматическим функциям» (стр. 92), таким, например, как функция адресата речи, функция орудия, при помощи которого совершается действие, и т. д.² Такого рода функции не присущи падежам в качестве их первичных или основных функций, они проявляются лишь в определенных условиях. Многие же другие функции падежей и прочих грамматических форм, если и связаны со внеязыковой действительностью, то лишь опосредованно. Вместе с тем автор справедливо отвергает как крайность сплошную «асемантизацию» всех грамматических функций, типичную для некоторых направлений структурализма. «Тезис об асемантичности грамматики, — заключает он, — ... столь же ошибочен, как и тезис о семантичности всех грамматических форм» (стр. 91).

Проделанный автором анализ содержания морфологических категорий является их «редукционным анализом»: он не исчерпывается вскрытием полифункциональности этих категорий, но, в соответствии с общей установкой книги, направлен на отграничение в обнаруженных функциях универсального минимума (того общего, что необходимо представлено в каждом человеческом языке) от разнообразных идиоэтнических «накладок», отсутствующих в языках с менее сложной морфологией. Тем самым в процессе анализа осуществляется своего рода «логическая редукция» гипертрофированной морфологии синтетических языков, — сведение их разветвленной «поверхностной структуры» к элементарно необходимой «глубинной». Безусловно идиоэтнической

² Ниже (стр. 119) даже такое ограниченное употребление термина «грамматическое значение» квалифицируется автором как «нежелательное», — с чем, как нам кажется, трудно согласиться.

оказывается, конечно, формальная функция согласования. Что касается содержательных функций, то они, как правило, находят то или иное выражение и в языках, не имеющих данной морфологической категории; однако специфическое объединение этих функций в рамках одной грамматической формы (скажем, того или иного падежа и т. п.) составляет идиоэтническую черту соответствующего синтетического языка.

Автор считает, что вычленение универсальных речемыслительных категорий нередко усложняется, так как многие из них не получают прямого выражения в грамматических формах. Во всех языках, как аналитических, так и синтетических, существует, помимо «явной» грамматики, еще и грамматика «скрытая», и именно она является основой всякого грамматического строя» (стр. 79). Скрытой грамматике и формам ее обнаружения посвящена в книге специальная глава.

Развивая и систематизируя идеи, высказывавшиеся в русском и в зарубежном языкознании (в частности, Потемной, Щербой, Уорфом и др.), С. Д. Кацнельсон показывает, что скрытая грамматика — это «грамматические сигналы, имплицитно содержащиеся в синтаксических сочетаниях и семантике слов» (стр. 78). Конкретнее — это «категориальные компоненты лексических значений» (стр. 83), которые, «уточняя взаимоотношения слов в предложении, делают излишним присутствие специальных формантов» (стр. 85) и позволяют группировать знаменательные слова «в разряды или классы, отличающиеся единством грамматического функционирования» (стр. 87). Многие лексико-грамматические разряды были выделены внутри отдельных частей речи, как известно, уже традиционной грамматикой (например, одушевленные и неодушевленные существительные, качественные и относительные прилагательные, глаголы чувственного восприятия, мысли и речи и т. д.). Более тонкий анализ, применяющий современные методы (в частности, компонентный анализ лексических значений), создает возможность дальнейшей дифференциации, направленной на выявление инвентаря категориальных признаков, лежащих в основе речевого мышления.

Явления, относимые в книге к области скрытой грамматики, иногда описывались как случаи «взаимодействия лексики и грамматики» или «влияния лексики на грамматику». Некоторыми лингвистами выдвигалась идея «пограничных» между лексикой и грамматикой категорий, или, говоря словами И. Польдауфа, «лиминальных абстракций»³. Можно думать, что

концепция скрытой грамматики, как она развивается автором, идея «скрытых грамматических категорий» (последний термин, как известно, был предложен Б. Уорфом)⁴ полнее и четче отражает существо дела. Следует согласиться с С. Д. Кацнельсоном в том, что роль скрытой грамматики в языке огромна: «Скрытые категории глагола определяют его валентность. Скрытые категории имен определяют их способность замещать „места“ при глаголе» (стр. 88). При содействии скрытых категорий «уточняются функции полифункциональных морфологических элементов» (стр. 93), например, функции творительного падежа в сочетаниях типа *стол накрыт скатертью* — *стол накрыт официантом* (см. стр. 83—84). Скрытые категориальные признаки позволяют опознавать «семантическую деривацию» там, где «явная» лексическая деривация отсутствует, т. е. в своего рода супплетивных рядах вроде *ездить* — *возить* (стр. 88—89). Очень важен заключительный тезис автора о том, что «явная, или внешняя, грамматика, воплощенная в грамматических формах того или иного языка, строится на базе скрытой, или внутренней, грамматики и является неполным и во многих случаях морфологически усложненным ее отображением» (стр. 93).

Вместе с тем автор не замалчивает трудностей, возникающих при изучении категорий скрытой грамматики. Он пишет: «Когда семантический анализ открывает в составе значения такие признаки, как одушевленность или неодушевленность, факитивность или каузативность и т. п., то сомнений не возникает, так как эти категории давно известны в грамматике. Другое дело — признаки, не освященные грамматической традицией. В этом случае исследователю приходится самостоятельно решать, относится ли данный признак к числу грамматических или собственно лексических» (стр. 90). «Обнаруживаемые компонентным анализом лексических значений скрытые категории даны постоянно в слове с вещественными семантическими компонентами, отличить которые от категориальных признаков не всегда легко» (стр. 94).

Можно пожалеть, что важная и интересная глава о скрытой грамматике оказалась (не считая вводной главы) самой короткой в книге.

В последней, самой большой по объему главе, автор рассматривает речемыслительные и универсально-языковые (коммуникативные) основания традиционных частей речи и членов предложения.

Что касается частей речи, то важнейшие из них, по мнению автора, универсальны,

³ См.: И. Польдауф, Место грамматики и лексикологии в изучении вопросов глагольного вида, сб. «Вопросы глагольного вида», М., 1962, стр. 77 и сл.

⁴ См.: Б. Л. Уорф, Грамматические категории, сб. «Принципы типологического анализа языков разнотипного строя», М., 1972, стр. 44 и сл.

т. е. представлены во всех языках, но, так сказать, не в полном объеме, а «лишь в меру выражения ими базисных значений» (стр. 176). Для субстанциональных слов базисными являются лексические значения, отображающие чувственно воспринимаемые предметы (физические тела). Вряд ли сыщется поэтому хоть один язык, в котором такие значения оказались бы в составе иного грамматического класса. Базисными для атрибутивных слов являются чувственно воспринимаемые признаки предметов, обладающие относительной устойчивостью, — качественные и количественные признаки. Для предикативных слов базисными являются простейшие, чувственно наблюдаемые изменчивые признаки, — предикаты действия и состояния. Традиционная грамматика интуитивно выделила базисные значения как семантическую основу важнейших частей речи — существительных, прилагательных, числительных, глаголов» (стр. 175).

В противоположность этому небазисные, производные значения образуют, по словам автора, «подвижной фонд», который в разных языках распределяется между частями речи по-разному. Например, значения типа «быстрота» или «копание» могут в том или ином языке по условиям своей лексической фиксации оказаться вне разряда существительных, а значения типа «сделанный из железа» или «быть сильным», «быть отцом» и т. п. соответственно вне разрядов прилагательных и глаголов. В ряде случаев для оформления производных значений используется «скрытая деривация» (стр. 174) с помощью словоизменительных форм: например, род. падеж *солнца* в *лучи солнца* обозначает уже не предмет, а признак, как и относительное прилагательное в *солнечные лучи*.

Из большого комплекса рассматриваемых в книге проблем, связанных с членами предложения, остановимся на проблеме подлежащего, или субъекта. Заметим, что из двух приведенных равнозначных терминов автор чаще употребляет второй, но, как увидим ниже, различает «форму субъекта», что соответствует традиционному подлежащему, и «функцию субъекта», которая может отделяться от его формы. Субъект, по С. Д. Кацнельсону, не следует трактовать «как некую внеязыковую сущность, отождествляемую с „реальным“, или „логическим“ субъектом (агенсиом)» (стр. 195). Ведь об агенсе в точном смысле слова можно говорить только там, где предикат обозначает действие. «Между тем категория субъекта употребляется и при предикатах состояния (ср. *Он болен*), а в пассивных конструкциях при переходных глаголах действия она выделяет не агенса, а объект переходного действия» (там же; в этой последней цитате особенно отчетливо видно, что «субъект» у С. Д. Кацнельсона это именно

«грамматический субъект»). Далее следует вывод: «Свойственные субъекту специфические функции... носят внутриязыковой характер и вне языка аналогов не имеют» (стр. 195). Каковы же, по мнению автора, содержание и природа этих функций?

Как и ряд других современных лингвистов, С. Д. Кацнельсон подходит к подлежащему со стороны валентных свойств предиката, причем имеется в виду не формальная, а содержательная валентность. Субъект, с этой точки зрения, «является одним из „дополнений“ („дополнителей“) предиката» (стр. 160) и объединяется с традиционными дополнениями (объектами, или комплементами) в общем понятии «предикандума». Субъект — это, так сказать, первый предикандум. Применительно к различным типам случаев это конкретизируется следующим образом.

При одноместных предикатах их единственный предикандум, независимо от его внешнего выражения, рассматривается как субъект. В этом отношении не делается различия между *Я не сплю* и *Мне не спится*. О втором и подобных ему предложениях (*Меня знобит* и т. д.) С. Д. Кацнельсон пишет, что «бесподлежащими считать их не приходится» (стр. 61): в функции субъекта этих предложений выступает косвенный падеж, что представляет собой образец «сдвинутого» употребления падежей, употребления их во «вторичной функции».

Сложнее обстоит дело в случае двухместного или многоместного предиката. При таком предикате только одно из мест может быть отведено субъекту. Какой именно из предикандумов будет «возведен» в этот «ранг», определяется рядом факторов.

В частности, существенную роль играет так называемая «интенция» предиката. Как отмечает С. Д. Кацнельсон, интенция особенно отчетливо выступает во взаимно конвертируемых предикатах типа «быть отцом» — «быть сыном» (*Этот мальчик — сын моего соседа* и *Мой сосед — отец этого мальчика*), «обладать чем-л.» — «принадлежать кому-л.», «любить» — «быть любимым» и т. д. Но она присутствует в любом двухместном или многоместном предикате. «Каждое предикативное значение, — констатирует автор, — отличается семантической „кривизной“, „перекосом“, односторонним „равнением“ на субъект. Выражая то или иное отношение, предикат всегда выделяет один из своих предикандумов..., возводимый... в субъекты» (стр. 184). «Предикативное значение — это, следовательно, векторная величина, в которой задана вместе с содержанием определенная направленность на субъект» (там же). Исходя из приведенных положений, подлежащее при многоместном предикате, очевидно, могло бы быть определено, как тот из предикандумов, на который ориентирована интенция

предиката. В книге мы, однако, не находим подобного определения.

Так или иначе, между предикандумами обязательно устанавливается некая иерархия: «субъект — прямой компонент — остальные компоненты». Эта иерархия хорошо отражена традиционной грамматикой в противопоставлении «прямого» падежа — «косвенным», а внутри последних винительного падежа — остальным. Но иерархия предикандумов, как считает автор, не связана со специфической морфологией «падежных» языков, а носит характер универсалии. Только обусловлена эта универсалия не природой речевого мышления, а некоторыми универсальными особенностями языка как средства общения и как специфической знаковой системы. Имеется в виду линейность речи и компенсирующие эту линейность «проективные свойства» языка.

В этом пункте С. Д. Кацнельсон противопоставляет от намеченного еще Штайнталем и Потембей сравнения языка с живописью. Как живопись, используя перспективу, может воспроизвести на плоскости трехмерное пространство, так, используя «проективные свойства» языка, мы можем с помощью линейной речи выразить многомерную «пропозицию» (мысль, заключенную в предложении). «Проективность» языка обеспечивается наличием в нем грамматических средств подчинения, создающих в предложении своего рода перспективу. По мнению автора, компоненты маркируются с помощью тех или иных проективных средств, а на долю субъекта остаются «непроективные средства». Это последнее понятие очерчено не совсем ясно. Имеются ли в виду только «словопорядковые формы» выделения субъекта, и конкретно — линейная позиция в предложении впереди всех других предикандумов, или также и морфологическая форма «синтаксически независимого», «прямого» падежа? Во всяком случае автор считает возможным определить субъект при множественном предикате как «единственный предикандум, выраженный непроективными средствами» (стр. 187).

Конечно, это определение является более формальным, чем определение, которое исходило бы из интенции предиката. Но, выдвигая на первый план словопорядковые формы выделения субъекта, оно создает почву для сближения субъекта с «данным», или «темой» в концепциях актуального членения предложения, и тем самым для определенной содержательной интерпретации категории субъекта. Ведь «тема», как известно, тяготеет к началу предложения. И вот автор ставит вопрос о соотношении темы и субъекта (стр. 188 и сл.) и фактически приходит к их функциональному отождествлению. Такое отождествление представляется нам не совсем правильным. Нужно, впрочем, признать, что эта часть концепции С. Д. Ка-

цельсона является наименее разработанной и наименее ясной. Возможно, автор несколько суживает объем понятия «тема» по сравнению с обычным употреблением этого термина, когда утверждает, что именно функция темы превращает предикандум в субъект (стр. 195), или что «в нейтральном, не деформированном особыми факторами высказывании субъект и есть тема» (стр. 189). Во всяком случае надо учесть и недвусмысленное возражение автора против того, чтобы ставить подлежащее «в прямую связь с актуальным членением предложения» (стр. 61).

Словопорядковые формы выделения субъекта, которые С. Д. Кацнельсон считает в принципе универсальными, в чистом виде выступают в «беспадежных», аналитических языках. В этих языках субъект «всегда стоит впереди других предикандумов» (стр. 204). В синтетических языках словопорядковые формы, как полагает автор, «сохраняют свою значимость», но здесь для разграничения субъекта и компонентов используются также синтетические, падежные формы. При этом в языках эргативного строя порядок слов все же остается, по мнению автора, «важнейшей приметой эргатива как субъектного падежа в переходной конструкции» (стр. 70), хотя эта примета и «дублируется» соответствующим падежным показателем. В синтетических языках номинативного строя чистота отношений нарушена в большей степени. Здесь в одних случаях падежная форма выделения субъекта, т. е. именительный падеж, также лишь дублирует, «избыточно оттеняет» словопорядковую форму, но в других — «вступает с нею в конфликт» (стр. 193).

Случаи первого рода — это предложения, в которых традиционное подлежащее (им. падеж) стоит впереди других предикандумов и является для автора, так сказать, полноправным субъектом, как по форме (совпадающие показания порядка слов и морфологии!), так и по функции. Случаи же второго рода — это предложения, в которых линейная последовательность предикандумов открывается именем в косвенном падеже или предложным сочетанием. В этих случаях конфликт, о котором говорит автор, конфликт между падежной и словопорядковой формой субъекта, интерпретируется в книге как разрыв между формой субъекта и его функцией: формой субъекта признается им. падеж, а функция субъекта усматривается в первом по порядку предикандуме, — что и естественно, поскольку, как мы уже знаем, эта функция отождествляется автором с функцией темы. «В таких предложениях, — пишет С. Д. Кацнельсон, — где тема дана не в форме субъекта, последняя не имеет уже функции субъекта, хотя и сохраняет интенциональную связь с предикатом» (стр. 190). А несколько выше, рассматривая пример *Спортсмен занимается с детства*, автор высказал

ся даже еще категоричнее: «субъектом в приведенном предложении является *спортсмен*» (стр. 184).

С последним утверждением вряд ли можно согласиться, хотя аналогичная трактовка в книге некоторых других конструкций (*У меня есть деньги, С ним приключилась беда, У них родился сын* — стр. 64 и сл., 189) кажется более убедительной: дело в том, что для последних трех предложений любой иной порядок слов воспринимается как инверсия, тогда как в первом предложении наиболее «нейтральным», неинвертированным порядком слов был бы такой: *Он с детства занимается спортом*, т. е. с им. падежом на первом месте. Вероятно, нужно ограничивать не только функцию темы от функции субъекта, но также и словопорядковые формы выделения темы от словопорядковых форм выделения субъекта⁵.

Проблемы, по которым мы высказали здесь несогласие с автором, являются хотя и важными, но в рамках общей концепции книги все же частными. Следующее наше замечание носит скорее характер пожелания на будущее. В книге систематически осуществляется сопоставление фактов синтетической морфологии с фактами, типичными для языков аналитического строя. Но в этом сопоставлении одни и другие языки выступают не на равных правах: в центре внимания автора стоят синтетические (и прежде всего — флективные) языки, а языки аналитические фигурируют лишь как фон, как задний план. В результате таким образом направленного сопоставления у читателя может сложиться впечатление, будто в строе аналитических языков все или почти все является универсальным, а идиоэтнические черты

составляют исключительную принадлежность синтетического строя. Конечно, в действительности это не так, и автор подчеркивает, что как универсальные, так и идиоэтнические компоненты имеются в строе каждого языка. Ясно, что конкретное выявление идиоэтнических особенностей, типичных для аналитических языков, потребовало бы значительного увеличения объема книги, а также и несколько иной методики сопоставления. Такого рода исследование можно считать одной из будущих задач континентальной типологии.

Наконец, некоторые мелочи. В книге нет анализа категории глагольного вида, как и ряда других категорий глагола, и потому несколько неожиданно звучит утверждение автора, что «все попытки свести... конкретные функции форм совершенного вида к общей категории „совершенности“ окончились неудачей» (стр. 74). Представляется также, что критика «теории уровней» (стр. 98—100) должна была бы иметь более четкий адрес: по существу она направлена только против того варианта теории уровней, который развивался в 50-е годы американскими дескриптивистами, но не против других вариантов и уж никак не против концепций Бенвениста, более новой «стратификационной модели» Глисона и Лэма и других идей, признающих особую роль «промежуточных ярусов».

В заключение хочется подчеркнуть, что книга С. Д. Кацнельсона — незаурядное явление в жизни лингвистической науки, исследование, новаторское по своей основной направленности и чрезвычайно интересное по полученным выводам. В книгах такого рода кое-что (и даже, вероятно, многое) может показаться иному читателю не очень убедительным и, во всяком случае, непривычным, тем более, что и стиль изложения местами довольно труден, а иллюстративных примеров маловато. Но все здесь будит мысль, дает возможность увидеть языковые факты, пусть даже знакомые, под новым углом зрения, увидеть их как бы одновременно и в их неповторимом идиоэтническом своеобразии, и в их глубинных и универсальных общечеловеческих чертах.

Ю. С. Масляев

⁵ Кстати, нам кажется не совсем удачным и термин «позиционные функции», которым автор обозначает функцию субъекта и функцию прямого дополнения (как и функции соответствующих падежей в падежных языках). Этот термин сразу направляет мысль на линейную последовательность элементов (ср. «позиционные классы морфем» — по их месту относительно корня, «позиционное примыкание» и т. п.) или, что того хуже, на «обусловленность окружением» (ср. «позиционные чередования»).

«Гістарычная лексікалогія беларускай мовы». — Минск, «Навука і тэхніка», 1970. 339 стр.

«Гістарычная лексікалогія беларускай мовы» является «первой попыткой введения в научный обиход лексического материала картотеки словаря древнебелорусского языка» (стр. 8).

Во введении при кратком обозрении трудов из области белорусской исторической лексикологии А. И. Журавский показывает их роль в изучении развития лексики белорусского языка, но вместе с